

УДК 94(47)

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-15-23

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ И КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РАКУРСЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Ратчин Я.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается роль и место кооперативного уклада в социально-экономической структуре России накануне Октябрьской революции. Кроме того, автор характеризует и развенчивает сложившийся в научной литературе по кооперативной проблематике стереотип тождества совершенно разнородных по своей природе исторических явлений: кооперации как формы обобществления хозяйств мелких товаропроизводителей, и кооперации как общественного движения. Автор приходит к выводу о неправомерности такого тождества.

Ключевые слова: конец XIX – начало XX вв., капитализм, марксисты, народники, кооперация, общественное движение за кооперацию, кооперативные предприятия.

DOMESTIC COOPERATION AND COOPERATIVE MOVEMENT THROUGH THE HISTORIOGRAPHIC AND THEORETICAL PROBLEMS

Y. Ratchin

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article examines in detail the role and place of the cooperative structure in the socio-economic structure of Russia on the eve of the October Revolution. In addition, the author characterizes and debunks the stereotype of the identity of the completely different historical phenomena existing in the sources on cooperative problems: cooperatives as forms of socialization of small-scale producers' economies, and cooperation as a social movement. The author comes to the conclusion that such identity is illegitimate.

Key words: late XIX - early XX centuries, capitalism, Marxists, Narodniks, cooperation, public movement for cooperation, cooperative enterprises.

Кооперативная проблематика занимает значительное место в отечественной историографии. Данному вопросу посвящена обширная научная и популярная литература [4], однако вряд ли справедливым было бы считать, что путь изучения этого сюжета прошлого нашей страны в основном пройден.

В оценке дореволюционной истории кооперации главным контекстом нерешенных проблем остается предмет острой полемики второй половины XIX

в. между марксистами и народниками о двух путях развития России и месте кооперации в каждом из этих альтернативных направлений: капиталистической революционной индустриализации и закономерном эволюционировании. Постепенная модернизация российского традиционного общества привела к актуализации вопроса: каким путем пойдет концентрация мелкой собственности? Через ее объединение, как полагали народники, либо через капиталистическую экспроприацию и создание крупных частных предприятий – единственно возможный путь, по мнению марксистов.

Многовариантность развития соответствовала самой ранней – доиндустриальной фазе модернизации, когда осуществлялся «переход от естественных производительных сил, когда преобладало индивидуальное аграрное и ремесленное производство, к общественным – таким, которые, во-первых, могли использоваться людьми только сообща, что предполагало кооперацию и разделение функций в процессе труда, во-вторых, представляли собой результат самого общественно-го развития (мануфактура). В социальном плане, в ходе первой модернизации, на смену отношениям личной зависимости пришли “свободные рыночные отношения”» [10, с. 7].

Ранняя стадия модернизации, органично включающая в свое содержание как элементы нового, так и эволюционирующие устои аграрного общества, определила двойственный характер формирующихся в это время институтов, в том числе кооперации, которая органично сочетала «в себе элементы традиционализма (собор-

ность, артельность, коллективизм) и элементы модернизации (ориентацию на рынок, широкое использование товарно-денежных отношений, индивидуальное членство и др.)» [9, с. 3].

Народнические воззрения стали главной «питательной средой» набравшего силу в пореформенной России кооперативного движения, развивавшегося вне прямой связи с явлениями, происходившими в мелкотоварном производстве. Имея в виду лишь эту сторону исторического процесса, не дифференцируя общественно-политическое движение сторонников кооперации с собственно кооперативным укладом, большинство современных исследователей, вслед народникам, однозначно положительно оценивают количественный и качественный рост кооперативных объединений в конце XIX – начале XX вв.

Принимая за действительное кооперирование результат осуществления замыслов кооператоров – энтузиастов, действующих либо самостоятельно, либо через земские учреждения, подавляющее большинство обществоведов полагает, что капиталистические условия России второй половины XIX в. способствовали проникновению этой хозяйственной организации в самую глубь крестьянской экономики, что, если следовать их логике, действительно способствовало формированию достаточно прочного кооперативного уклада. Не отрицая того факта, что образование кооперативных объединений в виде юридических лиц до революции 1905 г. носило характер насаждения «сверху», историки упускают из вида процессы, происходящие в мелкотоварном производстве и их влияние на динамику кооператив-

ного строительства, определяемого его собственными потребностями [1, с. 122].

Несмотря на «наличие предпосылок», практические усилия насаждения кооперативов в 60-е – первую половину 70-х гг. XIX в. не дали положительного результата. Практически все объединения, созданные в этот период, развалились.

Воспроизводя мнение современников этих событий, сегодняшние исследователи видят причины плачевных результатов «первого этапа» кооперативного строительства не в насильственном проникновении капитализма в экономику России, а в «отсутствии в различных слоях населения навыков общественности и кооперативности», без которых кооперативное движение не могло стать широким и прочным, в поиске «методов функционирования, присущих именно кооперативам, в отличие от частных предприятий». И уже совсем непонятно в отношении формы, рожденной самой практикой хозяйствования, звучит мысль о «медленном развитии кооперативности в среде членов кооператива, которые от кратковременного первичного участия в делах кооператива быстро переходили к апатии и безучастности» [8, с. 6–7].

Перечень конкретных недочетов и практических неточностей, произрастающих из неверной методологической постановки исследования дооктябрьского кооперативного строительства, а именно из недооценки его объективных предпосылок, достаточно обширный. На наш взгляд, основной из черт, негативно отразившихся на осмыслении исторического прошлого, является отсутствие дифференцированного подхода к разнородным реалиям, как

правило, характеризуемым единым понятием – кооперация. Этим термином, начиная с самых ранних трудов по кооперативной тематике, одинаково определяют и возникающие в среде мелких товаропроизводителей объединения, и общественное движение в поддержку артелей и товариществ, и организационные структуры, появившиеся в результате деятельности прогрессивной интеллигенции или государства, кооперативные культурно-просветительные учреждения и т.д.

В качестве примера приведем книгу В.В. Кабанова «Кооперация, революция, социализм», в которой понятие кооперации распространяется, помимо собственно хозяйственного уклада, на широкий спектр разнородных социальных сущностей: идеологию и ее носителей, организационные структуры кооперативных объединений, культурно-просветительские учреждения, а кроме того, политическую сферу, что придает последней характер политической партии [5, с. 11].

Сложившееся в современной историографии представление о кооперации в отношении других социально-экономических и политических образований выглядело бы, по меньшей мере, странно. Следуя логике автора – марксистов, строивших свои политические амбиции на развитии крупного фабричного производства, необходимо было бы объединить в одном ряду со собственно частнокапиталистическим укладом, а понятием «фабрика» объять съезды промышленников, политические партии крупного капитала и т.д.

Теоретическое соединение разнородных исторических реалий не случайно, оно имеет глубокие корни,

основанные на специфике отечественного кооперативного строительства, и восходит к самому первому историографическому опыту, отражающему непростую историческую реальность.

Реформа, отменившая крепостное право в России, открыла новые альтернативные, многонаправленные варианты дальнейшего развития. И в этом смысле кооперативные идеи могли обрести здесь свою благодатную почву. Наличие в широких масштабах мелкого производства, все более втягивающегося в товарные отношения, сулило большие перспективы кооперации. Ускоренная товаризация мелкого производства в пореформенный период неизбежно стимулировала тенденцию к его укрупнению, реализующуюся через частную инициативу в виде мануфактуры и кооперативные объединения товаропроизводителей.

Причем источники свидетельствуют о наличии кооперативных предприятий в сфере мелкого промышленного производства уже во второй половине XVIII в., когда о капиталистической трансформации хозяйства страны не приходится говорить [2, с. 126; 6, с. 10–55; 11, с. 67]. Исследуя кузнечный промысел второй половины XIX в., В.П. Воронцов замечал, что «рядом встречаются как артельные, так и частные кузницы: первые преобладают в тех деревнях, где промысел существует с давнего времени; вторые – там, где он возник недавно [2, с. 116].

Таким образом, искусственная привязка кооперации к конституциализации капитализма не находит подтверждения в реальном историческом процессе. Мало того, закономерная концентрация индивидуальных хозяйств мелких товаропроизводителей,

где капиталистическое и кооперативное направления ее развития составляли равноправные стороны единого процесса, была прервана форсированной капитализацией экономики, включающей в себя целый комплекс институциональных перемен, таких, как перераспределение национального достояния из традиционных форм и отраслей экономики на ускоренную индустриализацию; включение России, посредством преобразования финансовой системы, в мировой капиталистический рынок (реформа Витте) и др.

Из равноправной формы концентрации мелкого производства капитализм превратился в доминанту социально-экономического строя, определяющую общее направление развития хозяйства страны. По данным П.Г. Рындзюнского, не менее 56% кустарей в конце XIX в. превратились в наемных рабочих, эксплуатируемых крупным капиталом в самых примитивных варварских формах [12, с. 27].

Резкий рост фабричного производства, стимулируемый финансовыми вливаниями правительства, сокращал экономическое пространство кустарной промышленности. Так, например, к началу XX в. в Московской губернии почти полностью исчезло кустарное миткалевое ткачество, в то время как в конце 70-х гг. XIX в. 80% изготовленной ткани приходилось на крестьянские светелки и избы.

Наступление крупного машинного производства, не являвшегося результатом эволюции мелкой промышленности, опережало естественную тенденцию кустарного производства к концентрации, лишало ее экономической целесообразности. Вытесняемые фабрикой кустарные промыслы дегра-

дировали и не испытывали потребности в укрупнении.

Приспосабливаясь к изменившимся условиям, инициатива кустарей устремилась в отрасли ручного труда, не требующие концентрации, а следовательно, безопасные с точки зрения конкуренции с крупным производством. Например, упадок ткацкого производства во Владимирской губернии послужил причиной роста валяльного производства предметов крестьянского обихода.

Капитализация хозяйства страны, обусловившая консервацию рудиментарных форм экономических отношений, массовое обнищание мелких товаропроизводителей, как бы усекала объективную тенденцию появления кооперативных объединений. Наблюдался явный диссонанс роста кооперативного уклада и бурно развивающегося общественного, идеологического движения в ее поддержку. Недостаток естественной питательной почвы замещался в отечественном кооперативном строительстве излишней идеологизированностью и политизированностью.

Вследствие сложившейся исторической реальности и кооперативное движение в отечественной историографии, как правило, не дифференцируется с собственно кооперацией, составляющей существо самостоятельного экономического уклада, рожденного закономерным ходом эволюции мелкого производства, и, как любой другой уклад, имеющего определенные социальные и экономические рамки и исторические характеристики генезиса и функционирования.

Благодаря усилиям исследователей конкретно-историческое представление об отечественном кооперативном

движении имеет достаточно отчетливые характеристики, оно включает в себя: во-первых, кооперативную идеологию, являющую собой совокупность крестьянских представлений о «Правде, Добре, Справедливости» и социалистических взглядов, представители которых зачастую отвергали свою приверженность социализму, но вместе с тем рассматривали кооперацию как альтернативный капитализму путь развития, а сами кооперативные объединения – как средство борьбы с капиталистической эксплуатацией [3, с. 44–45]. Во-вторых, общественно-политическое движение в поддержку кооперации, состоящее из различных организаций, периодически возникающих и исчезающих, неформальные акции и инициативы сочувствующих делу кооперативного строительства. В-третьих, организационные структуры (областные, губернские и общероссийские Союзы, съезды и совещания) кооперативных объединений, создание которых было инициировано деятельностью сторонников кооперации и государства и, как правило, не являлось прямым следствием хозяйственной необходимости низовых артелей и товариществ. И, наконец, в-четвертых, объединения мелких собственников, созданных усилиями энтузиастов-кооператоров, земств или государства.

Имея в виду перечисленные проявления, российское кооперативное движение действительно получило большой размах к концу XIX столетия и представляло собой мощную общественно-политическую силу. Однако собственно к кооперации, как экономическому укладу, это общественное явление можно было отнести с большой долей условности.

Тот факт, что расцвет общественно-политического движения сторонников кооперации совпал по времени со становлением капитализма, дал основание многим историкам считать кооперацию продуктом буржуазных отношений, а некоторые из них предприняли попытку определить те черты капитализации, которые способствовали росту артелей и товариществ в России.

Черты традиционализма, имеющие характер основополагающих в кооперации, трансцендентны частнокапиталистическим основам хозяйствования и неизбежно антагонизируют с ними. Это борец в условиях господства капитализма ведет в отдельных случаях к совершенствованию артелей и товариществ, в других – к их ликвидации или трансформации в буржуазные предприятия.

Существенным препятствием объективной оценки уровня развития кооперации в дооктябрьский период стала неверная научная посылка, черпающая свои истоки в реально существующем замещении хозяйственных функций кооперативных объединений социально-политическими, происходившим во второй половине XIX в. Вследствие этого и в современной литературе кооперация рассматривается не как хозяйственный субъект, а как общественная организация, что в принципе соответствовало российской действительности кооперативного движения, но вступает в противоречие с определением институциональной сущности последних.

Оценка реальных успехов кооперации, исходя из размаха и мощи общественного движения, создает иллюзорную историческую картину ее

проникновения в самые толщи народной экономики, что не соответствовало действительности.

Изучение истории кооперации, особенно наиболее важного ее аспекта – социально-экономических предпосылок кооперирования населения России, характера, темпов и условий развития кооперативных форм организации общественного производства, должно дифференцироваться не только с общественным движением за кооперацию, но и по отдельным отраслям хозяйства, в каждой из которых все вышеуказанные черты приобретали своеобразные и неповторимые особенности. И уже совсем неверно переносить закономерности обобществления мелкотоварного уклада на пролетарскую, в основном, организацию – союзы потребителей, которые развивались исключительно в русле закономерностей, свойственных общественным движениям.

Вопреки устоявшейся в отечественной историографии однозначно положительной оценке деятельности кооперативных структур и организаций, они существовали как самодостаточные институты и брали на себя функции, не свойственные хозяйственным учреждениям, их повседневные труды находились за пределами нужд низовых кооперативов и в большей степени приобретали политическую окраску.

Особенности отечественного кооперативного строительства обусловили специфические черты кооперативной теории и идеологии. Кооперативные идеи рождались не на анализе и обобщении практики развития кооперации, а как бы предвосхищали, опережали и стимулировали ее. Недостаток естественной «пита-

тельной почвы» сказался на состоянии отечественной теории и идеологии кооперации. В своем большинстве сочинения дооктябрьских авторов грешат излишней политизированностью, привнесением идей, явно не отражающих российских экономических реалий¹.

Не имея возражения против утверждения об отсутствии целостного учения о кооперации в марксистской историографии², вряд ли было бы верным считать таковым сочинения дореволюционных теоретиков и практиков, зачастую составленные из эклектических или полностью заимствованных из западной литературы идей. Попытка современных историков каким-то образом систематизировать взгляды дореволюционных авторов, кроме определения отдельных рациональных элементов их воззрений, других результатов не имела [5, с. 49–58; 7, с. 101–118].

В результате того, что внешние по-

токи общественной активности и народной инициативы к кооперированию сливались, в дореволюционной и современной литературе по кооперативной проблематике сложился стереотип тождества совершенно разнородных по своей природе исторических явлений. Без всяких оговорок к кооперации были причислены учреждения, рожденные все тем же государственным капиталистическим курсом и лишь формально схожие с кооперативными предприятиями.

Без детального изучения предпосылок становления и функционирования кооперации, роли и места кооперативного уклада в социально-экономической структуре России накануне Октябрьской революции многие вопросы советского периода истории кооперации, остающиеся по сей день спорными, так и останутся нерешенными, а их обсуждение не выйдет за рамки идеологических шаблонов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко И.В., Куштеров Р.М., Кочкарова З.Р. История и теория кооперации. Ставрополь: Ставропольский кооперативный ин-т, 1998. 312 с.
2. Воронцов В. П. Очерки кустарной промышленности России. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1886. 233 с.
3. Домников С.Д. Кооперативный идеал в России начала XX века // Кооперация. Страницы истории. Вып. 4 / Отв. ред. Н.К. Фигуровская. М.: ИЭ РАН, 1994. С. 39–68.
4. Ильин Ю.А. Отечественная кооперация: Библиографический указатель литературы за 1925–1992 гг. Иваново: ИвГУ, 1994. 471 с.
5. Кабанов В.В. Кооперация революция социализм. М.: Наука, 1996. 206 с.
6. Калачов Н. Артели в древнейшей и нынешней России. СПб., 1864. 93 с.
7. Ким Ч.Ч. Государственная власть и кооперативное движение в России – СССР (1905–1930). М.: ИРИ РАН, 1996. 252 с.
8. Козлова Е.Н. Кооперативный закон и его предистория // Кооперация. Страницы истории. Вып. 2 / Отв. ред. Н.К. Фигуровская. М.: ИЭ АН СССР, 1991. С. 4–9.

¹ В отличие от большинства трудов теоретиков кооперации, глубиной анализа выгодно отличаются произведения авторов народнического направления, прежде всего, В.П. Воронцова, Л.А. Тихомирова, Н.Ф. Даниельсона, выдающихся авторов книг по кооперативной тематике С.Н. Прокоповича, В.Ф. Тотомианца, сочинения известного экономиста, менявшего свою политическую ориентацию – М.И. Туган-Барановского.

² Особенно настойчиво и категорично эту мысль проводит В.В. Кабанов (см.: [5]).

9. Лубков В.В. Война. Революция. Кооперация. М.: Прометей, 1997. 261 с.
10. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М.: Наука 2000. 246 с.
11. Отчеты по исследованию кустарной промышленности в России. Том III. СПб.: Мин-во земледелия и гос. имуществ, 1895. 228 с.
12. Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–80-е годы XIX в.). М.: Наука, 1966. 260 с.

REFERENCES

1. Bondarenko I.V., Kushcheterov R.M., Kochkarova Z.R. Istorija i teoriya kooperatsii [History and theory of cooperation]. Stavropol, Stavropol'skii kooperativnyi in-t, 1998. 312 p.
2. Vorontsov V.P. Oчерки кустарной промышленности России. [Essays on handicraft industry in Russia.]. St. Petersburg, Тип. V. Kirshbauma, 1886. 233 p.
3. Domnikov S.D. Kooperatsiya.Stranitsy istorii [Cooperation.Pages of history], ed. N.K. Figuurovsky, 4, Moscow, IE RAN, 1994, pp. 39–68.
4. Il'in Yu.A. Otechestvennaya kooperatsiya: Bibliograficheskii ukazatel' literatury za 1925–1992 gg [Domestic cooperation: Bibliography of literature for the period of 1925–1992 years]. Ivanovo, IvGU, 1994. 471 p.
5. Kabanov V.V. Kooperatsiya revolyutsiya sotsializm [Cooperation revolution socialism]. Moscow, Nauka, 1996. 206 p.
6. Kalachov N. Arteli v drevneishei i nyneshnei Rossii [Artel in the ancient and present-day Russia]. St. Petersburg, 1864. 93 p.
7. Kim Ch.Ch. Gosudarstvennaya vlast' i kooperativnoe dvizhenie v Rossii–SSSR (1905–1930). [State power and the cooperative movement in Russia-USSR (1905-1930)]. Moscow, IRI RAN, 1996. 252 p.
8. Kozlova E.N. Kooperativnyi zakon i ego predistoriya [The cooperative law and its prehistory] Kooperatsiya.Stranitsy istorii. [Cooperation.Pages of history], ed. N.K. Figuurovsky. Moscow, IE RAN, 1991, pp. 4–9.
9. Lubkov V.V. Voina. Revolyutsiya. Kooperatsiya [War. Revolution.Cooperation]. Moscow, Prometei, 1997. 261 p.
10. Opyt rossiiskikh modernizatsii XVIII–XX veka [The experience of Russian modernization in XVIII–XX centuries]. Moscow, Nauka, 2000. 246 p.
11. Otchety po issledovaniyu kустарной промышленности в России. Том III. СПб.:Min-vo zemledeliya i gos [Reports on the study of handicraft industry in Russia, Vol. III. St. Petersburg: Ministry of Agriculture and State], assets, 1895. 228 p.
12. Ryndzyunskii P.G. Krest'yanskaya promyshlennost' v poreformennoi Rossii (60–80-e gody XX v.) [Peasant industry in the post-reform Russia (60-80s of the XIX century)]. Moscow, Nauka, 1966. 260 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ратчин Ярослав Андреевич – соискатель кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: y.ratchin@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yaroslav A. Ratchin – competitor for an academic degree of the department of Politology and Law, Moscow Region State University;
e-mail: y.ratchin@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ратчин Я.А. Отечественная кооперация и кооперативное движение в ракурсе историографической и теоретической проблематики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 15–23.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-15-23

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Y. Ratchin. Domestic cooperation and cooperative movement through the historiographic and theoretical problems. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Politic Sciences*, 2017, no 3, pp. 15–23.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-3-15-23